

Бегство в буддизм

Рюле Отто

1925

В зависимости от темперамента и характера люди могут по-разному реагировать на жизненные трудности и невзгоды.

Один — это человек, стремящийся вперёд и искушаемый целым ворохом трудностей. Он хватается за всё, преодолевает сопротивление и опасности, справляется с миром и вещами. Другой, менее энергичный, не знает, как утвердить себя в борьбе за существование. Он поддаётся — с сопротивлением или без — более сильным силам и погибает.

Третий, не победитель и не побеждённый, применяет тактику уклонения. Поскольку он не хочет ни сражаться, ни погибать, он умело избегает конфликтов и опасностей в нужный момент. Он спасается трусостью, меняя данное поле боя, где он боится поражения, на другое, где он надеется самоутвердиться. Эти типы встречаются как в чистом виде, так и в комбинации. Один и тот же человек часто ведёт себя по-разному в разных ситуациях. Но по своей психической структуре человек всегда остаётся одним и тем же.

С самого раннего возраста он формирует свой жизненный план на основе своего раннего опыта и приключений, которому он затем неустанно и последовательно следует в любых ситуациях. Этот жизненный план становится руководящим принципом его безопасности.

Под характером мы понимаем единообразие поведения во всех человеческих отношениях в соответствии с основным жизненным планом. Чем сложнее ситуация, чем больше требований к самоутверждению, тем беспощаднее стремление к жизненному плану и тем яснее характер.

Итоги мировой войны увеличили жизненные трудности во всем мире. Для каждой нации, каждого класса, каждой социальной прослойки, особенно в Европе. И в первую очередь в Германии. Династии были свергнуты, традиционные отношения власти разрушены, былая слава уничтожена. Вильгельм рубит дрова в Дорне.

Политических правителей подавляют, прогоняют, забывают. Они пытаются воспоминаниями или заговорщицкими планами. Даже там, где им удавалось вернуть свои прежние позиции, их успех не всегда соответствовал их усилиям. При всей своей внешней наглости Людендорф, Тирпиц и им подобные на самом деле были нищими ничтожествами.

Экономические властители рухнули или попали в фатальную зависимость. Рурская война была проиграна. Стиннес умер от разрыва сердца. Деньги стали дефицитными и дорогими. Бозель, Кастильони, Парвус, Бармат распространяют запах разложения. Банкротство и коррупция повсюду.

В результате инфляции большая часть среднего класса пошла по скользкой дорожке и в одночасье оказалась в пролетариате, если не глубже. Их Бог покинул их, их жизненная философия рухнула. Вместе с богатством, должностью и средствами к существованию они утратили своё мировоззрение, моральную и интеллектуальную устойчивость, точку зрения и ориентацию. Закат Европы. Что будет дальше?

Пролетариат почти десять лет пробирался по колено в крови, сквозь войны и революции. Преданный и избитый, разочарованный и обескураженный, он вернулся в русло эксплуатации. Все потеряно. Теперь рабочие трудятся по десять, двенадцать, четырнадцать часов на голодный желудок. Буржуазия, чей страх перед гибелью ещё не до конца покинул её кости, жадно пожирает последние жизненные силы, чтобы восстановить силы и здоровье. Битва всех против всех. Смертельная схватка на тонущем корабле. Ты или я!

Возросшая сложность жизненной ситуации в наибольшей степени высвобождает все инстинкты самосохранения. Каждый персонаж раскрывается с полной ясностью, выходит на яркий свет. Сильные в это время сражаются. Слабые раздавлены. Трусы прячутся в кустах. Давайте посмотрим на последних.

Прожигатели жизни и халтурщики либо покидают свою страну и народ, уезжают в Америку, Россию, Палестину, избегая борьбы и трудностей, и пытаются заработать своё состояние самостоятельно, в основном в одиночестве. Или же они покидают свой класс, становятся скупщиками старья, паразитами, перебиваясь между делами большей или меньшей сомнительности; спекулируют вместе с Клантом, чтобы быстро разбогатеть, или спасают себя, оседая на острове мелкобуржуазного существования.

Наконец — и это чаще всего — они отказываются от своей прежней идеологии, от которой постепенно приходили в отчаяние. Монархисты, милитаристы, «всегерманцы», антиреспубликанцы, спиритуалисты, националисты, верующие в церковь и партию — как им всем получить свою выгоду в хаосе нынешнего времени? Они, как и многие пролетарии, не научились диалектически мыслить, не понимают внутреннего контекста явлений, не могут сориентироваться в современном мире. Но они видят банкротство, разорение, опустошение, мор, трясину — их охватывает ужас, и они бегут. Куда?

Одни к Богу — (секты, серьёзные исследователи Библии, целители молитвами, капеллан Фазель). Другие в мир философских идей — (Кайзерлинг, Толстой, Рудольф Штейнер). Другие — в политический романтизм — (Пан-Европа, пацифизм, движение за свободные деньги). И, наконец, целый рой в Азию — (Рабиндранат Тагор, Ганди, дао, теософия, буддизм). Если Запад пойдёт ко дну, считают они, только Азия может предложить настоящее спасение.

Буддизм необычайным образом удовлетворяет потребность бегущих от жизни в идеологическом убежище, поскольку сам является результатом и выражением бегства от жизни, нашедшего свое идеологическое выражение. Как историческое явление, буддизм — это религиозно-этическое движение индийского помещичьего

дворянства и городской буржуазии, разбогатевших и превратившихся в патрициат. Он аналогичен гуманизму немецкого Средневековья. Здесь, как и там, экономически наиболее развитый класс, который в то же время был интеллектуальным классом с современным мировоззрением и ощущал себя единым целым во всех случайных и меняющихся политических формациях, впервые и наиболее сильно ощутил необходимость освободиться от устаревшей традиции иерархии и создать свой собственный образ жизни.

Поначалу это происходило без особых усилий и без какой-либо борьбы. Сам факт того, что власть браминов в районах, где зародился буддизм, была развита лишь умеренно, означал, что буддизм должен был вести открытую борьбу с традиционной системой. Таким образом, буддизм родился беззубым. Он не восставал против общественного строя, был полностью аполитичен и не выступал активно или агрессивно против существующей системы. Более того, он даже учитывал опасения и предрасудки правящих светских властей, исключая из числа своих последователей рабов, солдат и должников или преступников. В остальном он довольствовался тем, что оставлял в стороне существование богов, игнорировал кастовую систему, считал механизм брахманического культа необязательным, отрицал жизнь, мир, труд и социальные обязательства с полным осознанием и со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Полностью пассивно ориентированный во всех своих отношениях, он представляет собой замкнутую систему уклонения, бегства от мира, отгораживания от него, психологически, возможно, наиболее достоверно интерпретируемую как реакция на образ жизни, поглощенный активностью, разнужданностью, потаканием и перенасыщением, как это свойственно образу существования древнеиндийского властелина. Иными словами, это выражение усталости, отвращения, слабости, которая больше не в состоянии активно справляться с конфликтами существования; которая молча уходит, отрекаясь, оставаясь в пассивности, убегая от мира, поражённая всеми чертами уныния, пессимизма и чувства неполноты, которые характеризуют жизненный план и характер испуганных жизнью.

«Став бездомным, без имущества, безработным, сексуально воздержанным и воздержанным от алкоголя, песен и танцев, став строгим вегетарианцем, избегающим специй, соли и мёда, живущим дверь к двери с безмолвным попрошайничеством, в остальном предаваясь вдумчивому созерцанию, буддист искал искупления от жажды существования» (Макс Вебер). Ученики Будды никогда не были оравой бескультурных нищих; напротив, они были хорошо одеты, отличались высоким уровнем приличия, производили хорошее впечатление на окружающих и тем самым оказывали сильное влияние на высшие классы, из которых рекрутировалось большинство их последователей и потомков, видевших в новом учении и образе жизни протест как против своего прежнего образа жизни, так и против брахманизма.

Изначально буддизм был не более и не менее чем аскетической доктриной спасения одной из бесчисленных сект, наводнивших Индию и не ставивших всерьез под сомнение брахманизм, а только более или менее модифицировавших его.

Однако в той мере, в какой класс богатых, знатных и интеллигентных граждан, преимущественно составлявших его последователей, одерживал верх в экономическом и политическом плане, буддизм оказывался выдвинутым на первый план в

качестве фиксации господствующей религиозно-этической идеологии и в конечном итоге был вынужден играть роль государственной религии. Таким образом, буддизм на тысячи лет предвосхитил судьбу пуритан в Англии, кальвинистов в Голландии и протестантов в Германии. И по точно таким же причинам и мотивам.

В некоторых районах Индии экономическое развитие достигло уровня, на котором возник национализм как идеологическая формулировка определенных потребностей экономического и социального характера. Это движение подпитывалось династией Маурьев, которая, согласно браминской традиции, была низшего происхождения и самым популярным представителем которой был царь Ашока. В своём подъёме она должна была опираться на другие силы и классы, нежели старые правители; прежде всего она должна была игнорировать традиции и преодолевать кастовые барьеры. В этом отношении её интересы во власти определённо соответствовали буддийской идеологии.

Подобно тому как в Германии государство как властная организация крупных землевладельцев опиралось на христианскую церковь — единственную центральную организацию, которую оно нашло и которую ради неё самой возвело в ранг государственной церкви, великое царство Ашоки, в котором вся культурная территория Индии впервые была объединена в единое национальное государство, создало свою идеологическую основу в буддийском движении. Городской патрициат оказывал Ашоке неоценимые услуги как кредитор, получатель поставок и услуг, а главное — как экономическая и социальная опора династии; наиболее влиятельные и важные должности в огромной армии чиновников, офицеров, налоговых арендаторов, советников, полицейских и т.д. занимали отпрыски экономически заинтересованного и потому политически надёжного городского патрициата и помещиков. В результате объединение интересов обеих сторон всё больше превращалось в объединение кадров. И так же, как династия видела себя вознесённой вверх буддизмом, она, в свою очередь, вознесла буддизм до высот государственной религии. Чтобы зафиксировать общность династических, экономических, социальных, культурных и идеологических интересов, царь Ашока обратился в буддизм. Предшественник Константина Великого, ставшего первым христианским императором по тем же причинам.

Но империя Ашоки не смогла выжить. Индийская экономика не смогла существенно развиться дальше зачатков городского хозяйства; подавляющая часть страны оставалась на уровне примитивной деревенской экономики. Таким образом, отсутствовала основа для дальнейшего развития современного великого царства, которое через некоторое время распалось. Это также означало конец расцвета буддизма.

Подобно тому, как новые правители городов заключили экономический мир со старыми хозяевами деревень, буддизм также вернулся в лоно брахманизма. Конечно, буддизм уже претерпел множество изменений в качестве государственной религии. Он распространился по всему миру благодаря щедрой миссионерской деятельности (которая была призвана подготовить почву для необходимости экспансии Ашоки) и адаптировался и интегрировался во многие существующие идеологии. Наконец, разделив движение на Хинавану (ортодоксов) и Махаяну (оппортунистов), он в одностороннем порядке существенно изменил свой характер. Точно так же брахманизм многое перернул и извлёк для своей реорганизации и возрождения из многочисленных потрясений, вызванных образованием сект и религий. Он смягчил жёсткость

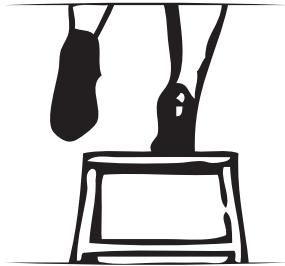
своих ритуалов, трансформировал свою доктрину, включил популярные элементы примитивных культов и традиций, сделал широкие уступки примитивной потребности в огрублении идеи спасения и таким образом снова стал просторным местом сбора для всех тех, кто бежит от жизни, кто обескуражен, кто нуждается в утешении и кто избегает ответственности.

Буддизм, возникший как идеологическое выражение экономически и интеллектуально развитого класса, из-за своего асоциального характера не справился со своей функцией средства создания общин в широком масштабе. В стране, чье континентальное расположение и преимущественно аграрная экономика не способствовали возникновению крупных городских культур, брахманизм оставался, несмотря на все превратности и изменения в небольших масштабах, наиболее адекватной, подходящей и адаптированной формой выражения религиозного опыта. Спекуляции, какими бы гениальными они ни были, сами по себе не могут обеспечить выживание любой религиозной системы, если у нее нет материальной основы, социально-экономических предпосылок.

Среди беженцев, которые сегодня попадают в теософию, антропософию, буддизм или даже к серьёзным исследователям Библии, много разочарованных, обескураженных, отчаявшихся пролетариев. Они оказываются там, потому что не понимают должным образом своё время и своё отношение к нему.

Потому что бегство в буддизм означает бегство из живого настоящего в мёртвое прошлое. Это значит бежать от позитивной реальности и прятаться за туманом идей. Это значит: отстраниться от боевой деятельности и погрузиться в отстранённую спиритизацию. Это означает уход от необходимости иметь дело с миром, жизнью, людьми и вещами в пассивное безделье. Это означает предательство классовой борьбы, дезертирство из революции, безответственность, быть трусом!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рюле Отто
Бегство в буддизм
1925

Скопировано 04.01.2024 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3543>
Перевод с немецкого. Опубликовано в «Die Aktion», № 4/6, 03.1925
<https://www.anarchismus.at/ueber-den-tellerrand-blicken/raetekommunismus/6435-otto-ruehle-flucht-in-den-buddhismus>

ru.anarchistlibraries.net